

УДК 101.1:316.74

DOI: 10.34670/AR.2026.56.80.015

«Места памяти» как инструмент формирования гражданской идентичности: семиотический анализ**Маркина Лидия Алексеевна**

Соискатель,
кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения,
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарёва,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевикская, 68;
e-mail: markina.lida142010@yandex.ru

Аннотация

В статье предпринимается семиотический анализ механизма, посредством которого места памяти участвуют в конструировании гражданской идентичности. Показано, что существующие концептуализации, среди которых чаще всего встречается редукция места памяти к материальному объекту и его инструментализация в целях политики памяти, не объясняют природы его эффективности. Опираясь на теоретический аппарат московско-тартуской семиотической школы (Ю.М. Лотман) и критической семиотики Р. Барта, автор предлагает трёхуровневую знаковую модель места памяти (иконический, индексальный и символический уровни) и анализирует механизмы идентификации и исключения как конститутивную двойную функцию этого знака. Аргументируется тезис о том, что гражданская идентичность не предшествует местам памяти как их основание, но производится через семиотические операции с ними; отсюда вытекает принципиальная незавершённость и оспариваемость любой идентичности, конструируемой посредством памяти.

Для цитирования в научных исследованиях

Маркина Л.А. «Места памяти» как инструмент формирования гражданской идентичности: семиотический анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 3А. С. 125-133. DOI: 10.34670/AR.2026.56.80.015

Ключевые слова

Места памяти, гражданская идентичность, семиотика, семиосфера, Лотман, Барт, Нора, мифологизация, коллективная память.

Введение. Концептуальный дефицит: между метафорой и инструментом

Политические акторы вкладывают значительные ресурсы в создание, сохранение и переозначивание мест памяти. Монументы возводятся и сносятся, топонимы меняются, памятные даты учреждаются и упраздняются - и всё это происходит в расчёте на то, что подобные действия оказывают воздействие на то, как граждане понимают себя в качестве членов политического сообщества. Вместе с тем философское объяснение того, почему места памяти работают именно так, остаётся концептуально недостаточным. Историография описывает, что происходит с конкретными местами памяти в том или ином обществе; социология фиксирует, как разворачиваются коммеморативные практики. Вопрос о механизме, то есть о том, каким образом знаковые структуры, связанные с прошлым, участвуют в производстве субъектности в настоящем, требует, на наш взгляд, иного уровня анализа.

Для начала отметим, что само понятие «место памяти» (*lieu de mémoire*) было введено в научный оборот французским историком П. Нора в рамках масштабного коллективного проекта по исследованию исторической памяти Франции (1984–1992), итогом которого стал семитомный труд объёмом около шести тысяч страниц с участием более ста учёных.

Сам термин восходит к риторической традиции Цицерона и Квинтилиана, где «место» (*locus*) обозначало не пространственную локацию, но мнемонический якорь, связывающий образ с опорным элементом - то, «опираясь на что память удерживает свои образы» [Головашина, 2022, с. 21].

Нора выделяет три аспекта, через которые определяется *lieu de mémoire*: материальность, функциональность и символичность. Принципиально важно, что именно символический аспект является для него первичным: объект становится местом памяти лишь постольку, поскольку он выступает предметом некоего ритуала, наделяется символической аурой воображения сообщества. «Даже место, совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой», - утверждает Нора [Нора, 1999, с. 40]. Материальность в его понимании не обязательно связана с физическим носителем: минута молчания или понятие «поколение» суть места памяти столь же полноправно, как Пантеон или Марсельеза. Это принципиальное расширение понятия, которое его интерпретаторы в отечественной науке систематически игнорируют.

В российском варианте рецепции концепции мест памяти воспроизводится устойчивая тенденция к «пространственной редукции»: местами памяти называются преимущественно материальные объекты (памятники, мемориальные комплексы, архитектурные ансамбли и т.п.), причём всё настойчивее с привязкой к теме Великой Отечественной войны. О.В. Головашина убедительно показывает, что подобное употребление термина не соответствует ни первоначальному замыслу Нора, ни значению самого слова: оно нивелирует заложенную в концепте дискуссионность и конфликтность, превращая *lieu de mémoire* из эвристического инструмента в риторическую фигуру [Головашина, 2022, с. 25]. Примечательно, что в испаноязычной традиции *lieu de mémoire* переводится как *entorno* (установка) или *contexto* (контекст), а в английской - как «*realms*» (области, сферы), тогда как российский «пространственный» перевод уже предрешает редуکتивную интерпретацию [Головашина, 2022, с. 21].

Другая тенденция, хорошо представленная в отечественном дискурсе, состоит в прямой инструментализации концепции в целях политики памяти. Характерна в этом отношении позиция Г.А. Быковской, А.Н. Злобина и И.В. Иноземцева, предлагающих рассматривать места

памяти как управляемую систему образов, подлежащих «внедрению в общественное сознание» посредством PR-технологий [Быковская, Злобин, Иноземцев, 2011, с. 154]. Авторы прямо ставят перед гуманитарными науками задачу «грамотно и в нужном для общества направлении влиять на развитие этнических концептов коллективной идентичности» [Быковская, Злобин, Иноземцев, 2011, с. 150], предлагая конкретный реестр «мест памяти» — от Александра Невского до озера Байкал, — распределённых по иерархическим блокам в соответствии с их «пропагандистским» приоритетом [Быковская, Злобин, Иноземцев, 2011, с. 155]. Программа откровенна: чем значительнее блок, тем интенсивнее образ «пропагандируется».

Эта позиция любопытна не нормативной программой, а тем, что она невольно фиксирует реальный феномен — принципиальную переозначиваемость мест памяти — не будучи в состоянии объяснить его природу. «Одно и то же место памяти может менять оценочную нагрузку несколько раз на протяжении одного поколения», — констатируют авторы [Быковская, Злобин, Иноземцев, 2011, с. 154], приводя в качестве примера трансформацию образа Ленина в 1990-е годы. Почему именно знаковые структуры, связанные с прошлым, обладают такой способностью? Почему «оценочная нагрузка» поддаётся управлению? Ответ на эти вопросы остаётся вне горизонта инструменталистского подхода. Вопрос о том, каков механизм переозначивания и почему идентичность производится именно через памятные знаки, а не иначе, требует семиотической оптики.

Таблица 1 - Сравнительный анализ подходов к концепту «место памяти»

Критерий	Материальный подход	Инструменталистский подход	Семиотический подход
Природа понятия	Физический объект (памятник, мемориал)	Управляемый образ, PR-ресурс	Трёхуровневая знаковая структура
Соответствие оригинальной концепции	Не соответствует замыслу	Частично — фиксирует переозначивание	Соответствует символическому приоритету
Механизм воздействия на идентичность	Не объясняется	Трансляция заданного содержания	Производство субъекта через означивание
Статус идентичности	Первична, хранится в объекте	Первична, транслируется	Производится, принципиально незавершена
Дискуссионность	Игнорируется	Рассматривается как проблема	Конститутивное свойство знака

Место памяти как знаковая структура

Семиотический анализ предполагает рассмотрение места памяти не как вещи или локации, но как знаковой конструкции, обладающей специфической внутренней архитектурой. Отправной точкой здесь служит триадическая типология знаков Ч.С. Пирса, различающего иконические знаки (основанные на подобию), индексальные (основанные на фактической смежности, указании) и символические (основанные на конвенции, принятой в сообществе). Место памяти, в той мере, в какой оно функционирует, а не просто существует, работает одновременно на всех трёх уровнях, и именно это многоуровневое означивание, на наш взгляд, обеспечивает его особую семиотическую плотность и устойчивость к разрушению.

На иконическом уровне место памяти воспроизводит визуальное подобие чему-то: монумент воспроизводит облик исторического персонажа или событие в материальной форме, архитектурный ансамбль воссоздаёт пространственную конфигурацию прошлого. Ключевое свойство иконического знака состоит в том, что его отношение к означаемому воспринимается

как «естественное» – не как результат договора или выбора, но как непосредственное сходство. Именно поэтому скульптурный портрет исторического деятеля производит иной эффект, нежели его текстовое описание: он претендует на прямое воспроизведение, а не на опосредованное обозначение. Эта иконическая «достоверность» создаёт первый слой натурализации: кажется, что монумент просто «показывает» нам прошлое, а не интерпретирует его.

Место памяти в индексальном измерении представляет собой прежде всего след: мемориальная доска, дата основания, вечный огонь указывают на событие не через сходство и не через конвенцию, а через реальную, физическую смежность с ним. Объект отсылает к прошлому не потому, что на него похож или потому что так договорились, а потому что находится в подлинной, не воображаемой связи с ним. Отсюда и документальный статус, который мы приписываем таким объектам: перед нами не просто символ, а «отпечаток».

На символическом уровне работает иная логика, логика конвенции, то есть общественного договора, который никогда не бывает нейтральным. Именно здесь место памяти перестаёт быть просто историческим свидетельством или эстетическим объектом и становится знаком принадлежности к «мы»-сообществу: материальный объект превращается в своего рода агента идентичности. При этом символическое значение не выводится из иконических или индексальных свойств объекта, а навязывается ему социальной конвенцией, принимаемой сообществом как само собой разумеющееся.

Семиосфера Ю.М. Лотмана позволяет уточнить, как символический уровень функционирует в контексте коллективной идентичности. Лотман понимал семиосферу как совокупное семиотическое пространство, вне которого невозможен никакой акт означивания и коммуникации [Лотман, 2000]. Любой знак получает своё значение только внутри семиосферы, где он находится в соотношении с другими знаками и в рамках действующих кодов интерпретации. Место памяти в этой парадигме есть не просто знак, но узел, в котором культурная самоидентификация сообщества достигает наибольшей концентрации. Здесь пересекаются множество кодов: исторический, политический, эстетический, религиозный. Каждый из них вносит свой вклад в итоговое символическое значение.

Лотман специально анализировал свойство культурной памяти как активного механизма, а не пассивного хранилища: культура не просто хранит информацию о прошлом, но постоянно переорганизует её, выстраивая новые связи между событиями, переоценивая значимость одних и вытесняя другие [Лотман, 2000]. «Уплотнение» семиосферы вокруг определённых знаков подчиняется не случайной, а воспроизводимой логике: оно закрепляет существующую конфигурацию власти и размечает пространство идентичности так, что одни события становятся «нашими», другие оказываются на периферии или вовсе вытесняются. Показательна в этом отношении характеристика, данная Лотманом совместно с Б.А. Успенским русской культурной семиотике: её принципиальная бинарность, тяготение к максималистским противопоставлениям без нейтральной «срединной зоны» делает место памяти заведомо конфликтным пространством, где любая альтернативная интерпретация немедленно превращается в маркер лояльности или отступничества, но не в «законную» точку зрения.

Решающий аналитический ресурс здесь предоставляет бартовская теория мифа. В «Мифологиях» Барт показывает, что миф представляет собой вторичную семиотическую систему, надстраивающуюся над первичным языком так, что знак первой системы становится формой для новых значений. Для понимания символического уровня места памяти это принципиально: определённая версия прошлого закрепляется как очевидная, не нуждающаяся в обосновании, и место памяти начинает восприниматься не как конструкт, а как «сама история»

[Барт, 2008]. Функция мифа состоит в натурализации: он представляет исторически обусловленные социальные отношения как природную необходимость, как «само собой разумеющееся». Именно это и происходит с местом памяти на символическом уровне: определённая версия прошлого закрепляется как единственно возможная, очевидная, не требующая обоснования. Место памяти начинает восприниматься не как конструкт, а как «сама история».

Показательно, что три уровня знаковой структуры не существуют изолированно, но взаимно усиливают друг друга в производстве мифологического эффекта. Иконическое подобие придаёт символическому содержанию видимость документальности («это выглядит как то, каким оно было на самом деле»). Индексальная привязка к месту и дате даёт видимость неопровержимости («это здесь действительно произошло»). В результате идеологически насыщенная версия прошлого оказывается «укоренённой в конкретном» - в пространстве, жесте, образе и объекте. Именно поэтому её оспаривание воспринимается не как переосмысление знаковой конструкции, но как посягательство на саму реальность. Снос монументов (будь то в России или в постсоветских странах) - всегда политический скандал именно потому, что разрушает эту тройную натурализацию.

Таблица 2 - Трёхуровневая знаковая структура места памяти (по Ч.С. Пирсу)

Уровень знака	Механизм означивания	Примеры в местах памяти	Функция для идентичности
Иконический	Подобие: знак визуально воспроизводит означаемое	Скульптурный портрет, архитектурная реконструкция, мемориальный рельеф	Обеспечивает узнаваемость, видимость «естественной» связи с прошлым
Индексальный	Смежность: знак указывает на событие через фактическую связь	Мемориальная доска, дата основания, топоним, вечный огонь	Фиксирует: «здесь/тогда произошло значимое»; придаёт документальность
Символический	Конвенция: знак получает значение через договор сообщества	Флаг, гимн, образ исторического деятеля как гражданского символа	Производит гражданскую субъектность; конститутивен для «мы»-сообщества

Двойная функция: идентификация и исключение

Рассмотренная выше знаковая структура позволяет точнее описать то, каким образом места памяти участвуют в формировании гражданской идентичности. Принято считать, что эта функция состоит в сохранении и трансляции коллективной памяти, обеспечении преемственности между поколениями. Такое описание верно, но недостаточно: оно фиксирует лишь одну сторону процесса, упуская другую, не менее конститутивную.

Любое место памяти одновременно выполняет две функции - идентификационную и исключаящую, причём вторая неотделима от первой. Идентификационная функция состоит в том, что место памяти устанавливает «мы»-сообщество: тех, для кого данное прошлое является «нашим», кто разделяет скорбь об утрате, гордость за свершение, стыд за преступление. Это включение в смысловое сообщество не требует явного согласия или декларации, поскольку оно осуществляется через участие в коммеморативных практиках: возложение цветов, минута молчания, посещение мемориала, совместное произнесение текста. М. Хальбвакс показал, что коллективная память всегда организована вокруг социальных групп и поддерживается через их совместные практики, а не через индивидуальные воспоминания [Хальбвакс, 2005]; место памяти является пространственным якорем такой группы.

Гражданская идентичность, строящаяся через места памяти, отличается от других её форм, правовых и институциональных, особой темпоральной структурой. Правовая идентичность («я гражданин государства N») держится на актуальной, синхронной принадлежности и существует вне зависимости от отношения субъекта к прошлому. Но именно потому, что место памяти устанавливает «мы», оно одновременно устанавливает границу: кто не разделяет эту память, кто интерпретирует её иначе или оспаривает, оказывается по другую сторону символической границы. Эта функция особенно отчётливо проявляется в ситуациях, когда одно и то же место памяти становится предметом конкурирующих интерпретаций. Демонтаж памятника советскому лидеру в странах Восточной Европы, споры о мемориализации жертв репрессий в России, дискуссии вокруг конфедеративных монументов в США - во всех этих случаях речь идёт не только о «правильной» трактовке истории, но и о том, чья идентичность получает символическое признание в публичном пространстве. Место памяти всегда отвечает на вопрос: «кто мы?», и, к сожалению, этот ответ всегда предполагает имплицитный контрвопрос: «кто не мы?».

Помимо идентификационной и разграничивающей функций, место памяти выполняет нормативную функцию: оно транслирует образцы гражданского поведения через фигуры, закреплённые в культурной памяти. Герой, жертва, предатель - это не просто исторические роли, но нормативные категории, определяющие, каким должен быть гражданин данного сообщества. Героизация конкретных исторических персонажей устанавливает стандарт желаемого поведения; коммеморация жертв формирует представление о том, чем жертвовать допустимо и достойно. Тем самым место памяти участвует не только в производстве коллективной идентичности как таковой, но и в нормировании индивидуальной гражданской субъектности.

Гражданская идентичность в этой перспективе не предшествует местам памяти как их основание или содержание. Она производится через сами операции означивания - через участие в ритуалах, через усвоение символической нагрузки знака, через принятие или отвержение предлагаемых нормативных образцов. Именно это обстоятельство упускается как в описательных подходах, фиксирующих место памяти как «хранилище» идентичности, так и в инструменталистских подходах, рассматривающих его как канал для трансляции заранее заданного содержания. В обоих случаях идентичность мыслится как нечто первичное по отношению к знаку, тогда как в действительности она является его продуктом.

Семиотическая конкуренция и незавершённость идентичности

Из сказанного следует вывод, принципиальный для понимания современных процессов политики памяти. Поскольку гражданская идентичность производится через знаковые структуры, а не извлекается из них как из хранилища, она структурно открыта для переозначивания. Борьба за интерпретацию места памяти – это не отклонение от нормы и не симптом нестабильности, а имманентное свойство знака как такового.

В литературе отмечается: концепт *lieu de mémoire* уже по своему определению дискуссионен, подвержен множественным интерпретациям, и именно это напряжение между «необходимостью помнить и стремлением забыть» делает его местом памяти, а не просто архивным документом или историческим свидетельством [Головашина, 2022, с. 30–31]. Иными словами, дискуссионность не является дефектом, который надлежит устранить установлением «правильной» трактовки: она есть условие возможности самого феномена. Место памяти,

навсегда зафиксированное в единственной интерпретации и лишённое семиотической работы, перестаёт быть живым местом памяти и превращается в идеологический монумент.

Механизм семиотической конкуренции хорошо описывается через разграничение между устойчивостью структуры и изменчивостью содержания. Структура трёх описанных выше уровней (иконического, индексального и символического) сохраняется: именно она обеспечивает то, что место памяти продолжает функционировать как таковое даже при смене интерпретаций. Содержание, закреплённое за символическим уровнем, напротив, исторически изменчиво: оно зависит от того, какая социальная группа в данный момент обладает ресурсами для установления конвенции. Поэтому переозначивание мест памяти всегда является одновременно семиотическим и политическим событием: борьба за символ есть борьба за право устанавливать конвенцию, то есть за право определять, кто принадлежит к «нашему» сообществу.

Российский опыт постсоветских десятилетий предоставляет богатый материал для наблюдения этих процессов. Переозначивание советских мест памяти после 1991 года, возрождение одних символов и вытеснение других, конкуренция нарративов о войне, революции, репрессиях - это семиотические процессы, в которых оспаривается не «историческая правда» в абстрактном смысле, но конфигурация гражданской идентичности. В отдельных исследованиях наглядно фиксируется эта конкурентность - в частности, подчеркивается, что образ В.И. Ленина «кардинально поменялся за несколько лет после перемены вектора пропаганды от восхваления к охаиванию» [Быковская, Злобин, Иноземцев, 2011, с. 154]. Семиотический анализ объясняет то, что они лишь констатируют: переозначивание возможно именно потому, что символический уровень знака опирается на конвенцию сообщества, а конвенция всегда исторически изменчива и зависит от баланса символической власти.

Здесь вступает в силу бартовская концепция демифологизации как критической операции. Демифологизация как критическая операция в бартовском смысле состоит в восстановлении исторического характера знака, в обнажении того, что данная версия прошлого является конструктором, а не неизменной данностью [Барт, 2008]. Демонтаж монумента или переименование улицы - это не просто физическое действие, но разрушение мифологической натурализации. Реакция власти на такие действия (почти в любой стране это целый набор мер: административное или уголовное преследование, консервация объектов, законодательная защита памятников) свидетельствует о том, что ставки в семиотической борьбе отнюдь не символические: речь идёт о праве определять конфигурацию «мы», то есть о власти над производством гражданской субъектности.

Принципиальная незавершённость гражданской идентичности, которая конструируется посредством концепта мест памяти, позволяет нам сформулировать важный вопрос, выходящий за рамки простого описательного анализа. Если идентичность производится, а не дана изначально, если конвенция всегда оспариваема, то возможна ли критическая гражданская субъектность, которая не растворяется целиком в семиотических механизмах производства? Представляется, что ответ на этот вопрос предполагает признание того, что рефлексия над знаковым характером собственной идентичности является не угрозой гражданственности, но её необходимым условием. Субъект, осознающий конструированность своей памяти, на наш взгляд, не теряет идентичность, а приобретает способность к её перманентному критическому обновлению.

Заключение

В завершение настоящей статьи можно констатировать, что семиотический анализ позволяет сформулировать то, что описательные и инструменталистские подходы лишь имплицитно предполагают. Место памяти - это не хранилище коллективного прошлого и не канал для трансляции заданного содержания, но трёхуровневая знаковая структура, в которой иконическое подобие, индексальная отсылка и символическая конвенция работают совместно, производя эффект натурализации исторически обусловленного смысла. Именно через это производство гражданская идентичность конструируется, воспроизводится и оспаривается.

Двойная функция места памяти - идентификационная и разграничивающая - означает, что любое «мы», конституируемое через общую память, с необходимостью предполагает тех, кто остаётся за пределами этого «мы». Нормативная функция означает, что гражданин не просто вспоминает через место памяти, но усваивает образцы того, каким ему надлежит быть. Принципиальная дискуссионность места памяти означает, что никакая идентичность, конструируемая через знаковые структуры памяти, не может быть окончательно закрыта.

Отсюда следует вывод, меняющий постановку вопроса о политике памяти – в том числе, и в Российской Федерации. Проблема не в том, какая версия прошлого является «правильной» и как обеспечить её устойчивую трансляцию: это, на наш взгляд, инструменталистская постановка, остающаяся внутри логики мифа. Философски релевантный вопрос иной: каковы условия возможности критической гражданской субъектности в ситуации, когда само производство субъекта осуществляется через знаковые структуры, принципиально склонные к натурализации и мифологизации? Семиотический анализ мест памяти оказывается, таким образом, не только теоретическим инструментом, но и формой философской рефлексии над механизмами производства политической легитимности.

Библиография

1. Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П. (ред.) Франция-память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1999.
2. Головашина О.В. Места памяти: между метафорой и концептом // Социология власти. 2022. Т. 34. № 1.
3. Быковская Г.А., Злобин А.Н., Иноземцев И.В. Концепция «мест памяти»: к вопросу о русском историческом сознании // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1 (13).
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
5. Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Академический проект, 2008.
6. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3.
7. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.

"Sites of Memory" as a Tool for Forming Civic Identity: A Semiotic Analysis

Lidiya A. Markina

Degree-Seeking Applicant,
Department of General History, Political Science and Regional Studies,
National Research Ogarev Mordovia State University,
430005, 68, Bol'shevistskaya str., Saransk, Russian Federation;
e-mail: markina.lida142010@yandex.ru

Markina L.A.

Abstract

The article undertakes a semiotic analysis of the mechanism by which sites of memory participate in the construction of civic identity. It is shown that existing conceptualizations, among which the reduction of a site of memory to a material object and its instrumentalization for the purposes of memory policy are most often encountered, do not explain the nature of its effectiveness. Drawing on the theoretical apparatus of the Moscow-Tartu semiotic school (Yu.M. Lotman) and the critical semiotics of R. Barthes, the author proposes a three-level sign model of a site of memory (iconic, indexical, and symbolic levels) and analyzes the mechanisms of identification and exclusion as a constitutive double function of this sign. The thesis is argued that civic identity does not precede sites of memory as their foundation, but is produced through semiotic operations with them; hence follows the fundamental incompleteness and contestability of any identity constructed through memory.

For citation

Markina L.A. (2026) "Mesta pamyati" kak instrument formirovaniya grazhdanskoy identichnosti: semioticheskiy analiz ["Sites of Memory" as a Tool for Forming Civic Identity: A Semiotic Analysis]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 15 (3A), pp. 125-133. DOI: 10.34670/AR.2026.56.80.015

Keywords

Sites of memory, civic identity, semiotics, semiosphere, Lotman, Barthes, Nora, mythologization, collective memory.

References

1. Nora P. (1999). Problematika mest pamyati [The Problematic of Places of Memory]. In P. Nora (Ed.), *Frantsiya-pamyat' [France – Memory]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publishing House.
2. Golovashina O.V. (2022). Mesta pamyati: mezhdru metaforoy i kontseptom [Places of Memory: Between Metaphor and Concept]. *Sotsiologiya vlasti*, 34(1).
3. Bykovskaya G.A., Zlobin A.N., Inozemtsev I.V. (2011). Kontseptsiya "mest pamyati": k voprosu o russkom istoricheskom soznanii [The Concept of "Places of Memory": On the Question of Russian Historical Consciousness]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 1(13).
4. Lotman Yu.M. (2000). *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb.
5. Barthes R. (2008). *Mifologii* [Mythologies] (S. Zenkin, Trans.). Moscow: Akademicheskii proyekt.
6. Halbwachs M. (2005). Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat [Collective and Historical Memory]. *Neprikosnovennyy zapas*, 2-3.
7. Anderson B. (2001). *Voobrazhayemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism] (V. Nikolayev, Trans.). Moscow: Kanon-Press-Ts; Kuchkovo pole.